

Товарищ капитан

История Артема Файзулина, который ушел из полиции и больше десяти лет защищает активистов от своих бывших коллег

Артем Файзулин. Фото: Мария Вигриянова

10:10, 24 марта 2026,

Иван Жилин

спецкор

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Березники — 130-тысячный город в трех часах езды на север от Перми. Его основали в советские времена для освоения месторождения калийно-магниевых солей. В городе и сегодня работают крупные заводы «Уралкалия», «Еврохима», «ВСМПО-Ависмы». А еще у местной истории есть другая сторона — здесь находились крупные лагерные пункты Усольлага. Заключенные занимались строительством самого города, заводов и лесозаготовками.

Сегодня Березники — крепко стоящий на ногах промышленный центр. Оживленное скопление советских многоэтажек, перемежающееся новостройками и вполне современными торговыми центрами.

В 2013 году город попал в федеральные новости по необычному поводу: местный отдел полиции **уволнил** сотрудника, поддержавшего Алексея Навального, — политика тогда судили по первому для него уголовному делу, «Кировлеса». Капитан Артем Файзулин занял принципиальную позицию: ознакомившись с материалами дела, он пришел к выводу, что преступления не было. Он опубликовал в Сети фото со слоганом против преследования Навального, за что и был уволен с формулировкой: «Презрел требования служебного долга и приоритет государственных интересов над личными».

Файзулин стал своего рода первопроходцем: в 2021-м, спустя 8 лет, по его пути пройдут и некоторые другие полицейские, поддержавшие Навального уже в связи с его возвращением в Россию.

А в феврале 2026-го семья Артема вновь оказалась в сводках

новостей: суд приговорил его супругу Ирину к штрафу в 300 тысяч рублей за донаты ФБК*.

Проявив принципиальность 13 лет назад, Файзулин сохраняет ее до сих пор: он оказался на другой стороне от своих бывших коллег, стал правозащитником и бьется за тех, кого преследуют по политическим статьям, консультирует военнообязанных по вопросам, связанным с призывом, мобилизацией и направлением на СВО. И сам подвергается преследованиям.

«Новая газета» отправилась в Березники, чтоб рассказать историю Артема — человека, которого отвергла система и который взял риски бросить вызов ее несправедливости.

Для документальной точности мы публикуем эту историю в виде монолога, без комментариев редакции.

Три бумажки

Мой прадед по материнской линии — раскулаченный белорусский крестьянин. У него было больше коров, чем власть считала допустимым. Из-за этого к нему пришли: самого увели, а семью отправили эшелонам на Урал. Так мы здесь и оказались. У Березников, как и у других городов и поселков вокруг, большая лагерная история. Здесь много людей, которые родились бы и жили в других местах, если б не репрессии.

О судьбе прадеда мы ничего не знали больше 50 лет, пока не удалось получить выписку из архива о том, что его расстреляли. Когда мой дедушка читал ее, он плакал — я первый раз в жизни видел его таким разбитым.

Березники. Фото: Мария Вигриянова

Материалы дела — буквально три бумажки: рапорт, «слушали», «постановили». И на основании них убили человека. Я и сейчас, читая полицейские материалы, поражаюсь, как просто они зачастую составлены: раз-раз, и все. Не вдаваясь в детали, не заморачиваясь экспертизами. И суды закрывают на это глаза.

Другое время

Я пришел в милицию в 1993 году. Это была совсем другая структура — не такая, как сейчас. Со студенчества в Омской высшей школе милиции нас учили мыслить иначе. Хорошо помню фразу одного из преподавателей, полковника: «Какое милицеейское решение!» Он говорил ее, когда хотел упрекнуть кого-то из учащихся в поиске простых путей.

Милицеейское решение — это когда ты поступаешь, как диктует сиюминутная целесообразность. Например, заковываешь человека в наручники, даже если он не совершил никакого насилия и не сопротивляется, — просто «для надежности». Тех, кто такое предлагал, полковник одергивал: «Подождите! Какие

у вас основания для применения спецсредств?» Не знаю, задается ли сейчас кто-то такими вопросами, но нам напоминали, что мы должны быть юристами, а не людьми с дубинками.

Артем Файзулин. Фото: Мария Вигриянова

Юридические решения — это как шахматные партии, где ты должен опираться не только на закон, но и на право.

Нам приводили примеры с Нюрнбергского процесса и объясняли, что формальное следование законам, если они людоедские, — тоже преступление.

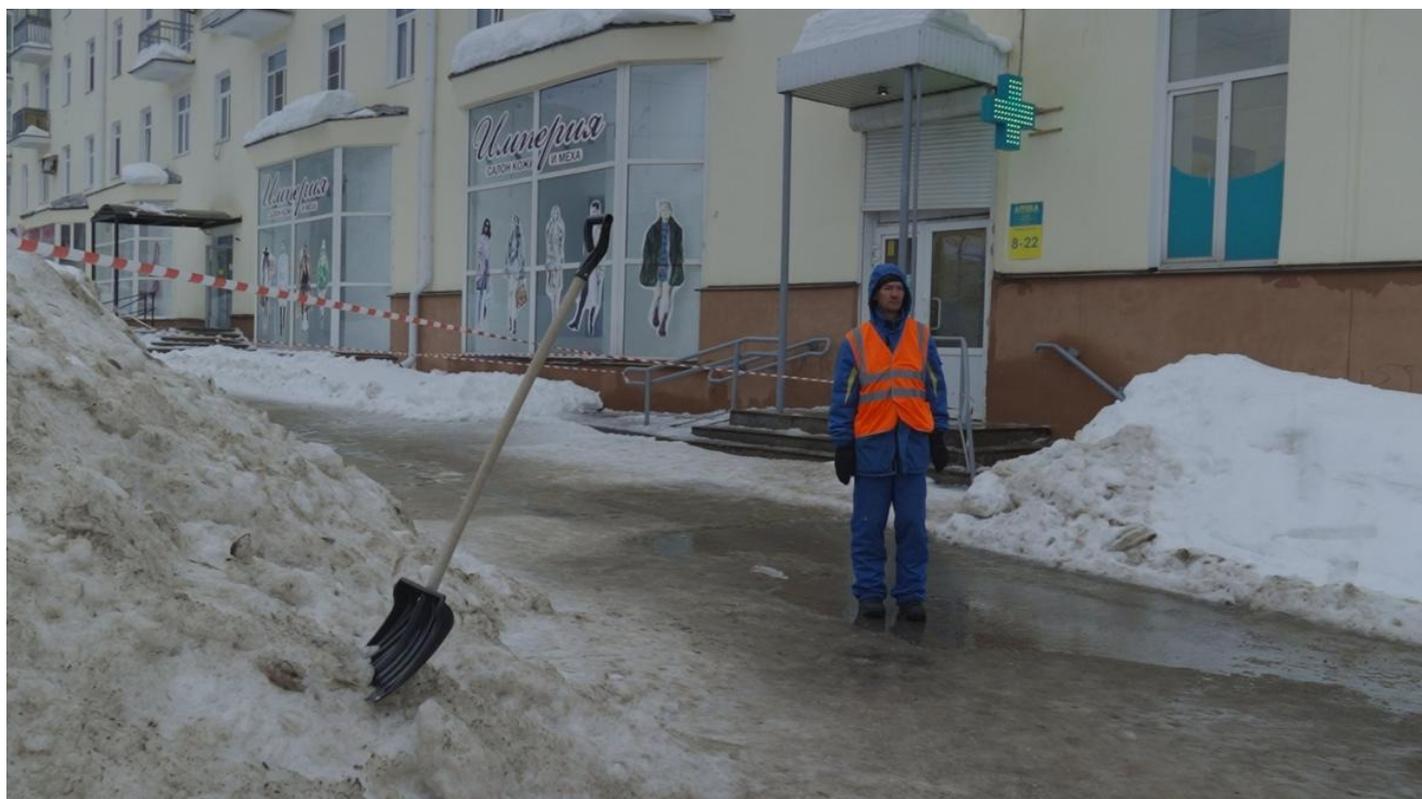
Наверное, тогда было уникальное время: ранний Ельцин, демократические реформы. Нас это касалось в полной мере.

В 1997 году я вышел на работу в Березниках,

оперуполномоченным в уголовном розыске. 90-е здесь были серьезными: десять зарегистрированных преступлений в сутки — для небольшого города это много. Бедные времена были, тяжелые: один раз из квартиры вместе с электроникой утащили кусок сливочного масла. Хозяйка его уже наполовину использовала, но все равно взяли. Зубную пасту воровали — до такого доходило.

Были и крупные банды: одна, например, разоряла склады предпринимателей. На моей памяти они вынесли склад с мебелью. Ворвались на территорию, избили охранника, подогнали грузовик и увезли с собой всё, что поместилось в кузов. Вычислили их по оперативной информации. Нам посоветовали присмотреться к человеку, которого охарактеризовали примерно так: «Парень серьезный, занимается чем-то интересным. Деньги у него водятся, но только не пойми откуда: точно не бабушек по подворотням щемит».

Начали разрабатывать, собрали доказательства. Когда задержали, он заявил: «Я с вами, ребята, общаться не буду, ведите к начальнику криминальной милиции, с ним поговорю». И мы его не били — даже мыслей таких не было, — а просто доложили наверх. Там сказали: «Хорошо». И сначала с ним действительно только начальник криминальной милиции работал. Потому что тот его воспринимал как соответствующего своему «уровню». Когда контакт был налажен и он стал более открытым, его «спустили» общаться с начальником уголовного розыска. А на финальных этапах он уже спокойно давал показания старшему оперу. Ну, получил в итоге свой срок.

Березники. Фото: Мария Вигриянова

Другой случай был страшнее. Группа грабила ларьки. У них был своеобразный почерк. Один подходил, стучался в окошко. Продавщица открывала, и тут же внутрь летела струя бензина. Не давая закрыть окошко, человек показывал зажигалку: «Открывай дверь или сгоришь». Она открывала, за дверью стоял сообщник, они выносили из ларька всё, грузились и уезжали.

Расследуя дело, мы поняли, что они ходят только по одиночно стоящим ларькам. Но таких в городе немного. Приняли решение: дежурить у каждого из них. Предупредили продавщиц, определили, как они должны нам сигнализировать, если пришли грабители.

И вот сидим в машине ночью и слышим по рации, что в другой засаде происходит что-то дикое. Что на киоск, за которым они следили, совершенно нападение и что один человек убит. Выяснилось: грабители, поняв, что их выследили, взяли продавщицу в заложники. Коллега, который стрелял, рассказывал потом: «Один держит ее перед собой. Фонарь не

горит — темно. От киоска слабый свет, и ее лицо видно. А грабитель выше и в маске — едва можно различить только прорези для глаз. Кричит: «Я ее сейчас убью». А мне что делать? Я предупредил, что буду стрелять. Он ее отпускать не захотел. Когда стрелял, единственное думал: «Не попасть бы в нее». Но попал в него. Второй сам сдался».

Конечно, это он уже позже рассказывал, а сразу ничего рассказывать не мог: сидел, смотрел в одну точку — в полной прострации. Тяжело ему было, и это понятно. Начальник управления заставил его стакан водки выпить, чтоб полегчало. Юридически тут никаких вопросов быть не могло: захват заложника — стопроцентный повод для применения оружия. Но морально тяжело это.

Трансформация

Идеологическая накачка в полиции началась еще при мне. Я ее немного застал. Кажется, отправной точкой стал случай 2011 года, когда Владимира Путина **освистали** на бойцовском поединке в «Олимпийском». Для властей это было неожиданно, и они решили крепить оборону.

Раз в неделю у нас проходила большая оперативка. Весь состав управления собирали в актовом зале и учили: принят новый закон или приказ МВД — нам разъясняли их. Но в начале десятых появились и другие «уроки»: например, мы стали слушать послания президента Федеральному собранию. Причем их надо было конспектировать и знать основные тезисы — могли проверить.

Конечно, это вызывало недоумение, но что было важно: люди не слишком пропускали это в себя. Мы спокойно обсуждали политические новости, могли некомплементарно высказываться о руководителях государства. Кто-то за, кто-то против — обычная дискуссия.

Я думаю, в полиции все еще немало людей, которые совсем не в восторге от происходящего. При этом они не обязательно либералы — могут быть и других взглядов.

Артем Файзулин. Фото: Мария Вигриянова

Но думать, что вся полиция — единый железный кулак, мне кажется, ошибочно. Там очень многие делают собственные выводы.

Есть, конечно, подразделения, где накачкой занимаются больше среднего. Второй оперполк московский — там все рабочее время в десятых делилось на две части: физподготовка и идеологическая работа. Им каждый день рассказывали про агентов влияния, которые решили страну подмять. Набирали в основном ребят из небольших населенных пунктов. Если кто-то из них проявлял критическое мышление, его переводили в другое подразделение. Бойцы этого полка как раз и прославились подавлениями протестов.

Сейчас таких подразделений наверняка еще больше. Плюс усилился Центр «Э» — самая что ни на есть жандармская работа, политический сыск. Ужасно, что когда упразднили отделы по борьбе с организованной преступностью, их служащим было предложено переходить как раз туда. И кто-то ведь согласился. ОБОПы были одними из самых сильных подразделений в полицейской структуре, которые действительно занимались важной работой и могли противодействовать серьезным преступным группам. Но это, видимо, кому-то стало не нужно. А вот борьба с так называемым экстремизмом стала нужна.

На мой взгляд, то, во что превращают полицию сегодня, противоречит самой ее сути. Полиция нужна для раскрытия преступлений и защиты прав граждан. Она должна обеспечивать безопасность общества, которую не стоит путать с безопасностью государства.

За почти 20 лет, что я прослужил, мне ни разу не приходилось участвовать в политических репрессиях. Можно пошутить, что меня вовремя ушли, но я бы и не стал таким заниматься.

Увольнение

Об Алексее Навальном я узнал в 2010 году. У него тогда был проект «РосПил», направленный на борьбу с коррупцией. Я почитал о нем: Алексей мне показался интересным. Подписался на его ЖЖ.

Поначалу я не воспринимал его как политическую фигуру: скорее как активиста. Но затем — на Сахарова, на Болотной — он уже показал свою претензию на лидерство. И мне были близки его позиции и его убеждения. Работа в полиции дает один важный навык: ты тонко чувствуешь, когда человек врет. И

когда я слушал Алексея, когда сам встречался и разговаривал с ним, то понимал, что он искренен. Он мог ошибаться, мог говорить спорные вещи, но у него не было двойного дна — он действительно верил в то, о чем говорил. И это, на мой взгляд, очень важное качество.

Когда в 2013 году началось дело «Кировлеса», Навальный выложил обвинительное заключение — 102 листа. Я прочитал его полностью, постаравшись абстрагироваться от политических предпочтений — просто как юрист. И охренел: читая страницу за страницей по несколько раз, я видел спор хозяйствующих субъектов. Такие споры должны решаться в арбитраже, а не в уголовном судопроизводстве. Там не было преступления. Просто не было. Навальный пристегивался к делу очень странным образом, типа: «Он присутствовал при этом разговоре». Не было проведено экономической экспертизы, а ущерб был записан со слов директора «Кировлеса» Опалева, который заключил сделку со следствием и за это получил условный срок.

Я взял это обвинительное заключение и пошел к следователю по экономическим преступлениям. Говорю: «Прочитай, у тебя же есть подготовка, которой нет у меня — может, я что-то не понимаю». Он прочитал: «Ну и кошмар. Как это можно направлять в суд?»

В это время во «ВКонтакте» была группа, где люди фотографировались с плакатами в духе: «Дело против Навального — это дело против меня». И я решил, что тоже должен предъявить свою позицию. У меня накипело высказаться. Когда рассказал о своем решении жене, та ответила: «А чего ты один? Мы вместе сфотографируемся». Ну и

сфотографировались всей семьей. Сын, которому тогда было полтора года, конечно, ничего не понимал — может, его и не надо было снимать, но он капризничал, и Ирина просто взяла его на руки. А дочь, Стася, приняла решение осознанно — ей было 10, и мы с ней уже не избегали разговоров о политике.

Фото, за которое Артема Файзулина уволили из полиции. Фото из личного архива

Когда мне говорят: «Зачем ты детей в это втянул?» — хочу ответить. А как вы видите воспитание, если не как трансляцию родителями детям своих взглядов, принципов, убеждений? Когда пятилетнему ребенку суют какой-нибудь флажок или портретик Путина — это то же самое. Я своей дочери сказал, что обижают хорошего человека, и мы с мамой хотим высказаться в его защиту. Она сказала, что встанет с нами.

Это был апрель 2013 года. А вся история с моим увольнением началась 12 июня, прямо в День России. Ко мне домой приехали

начальник отдела и зам по кадрам. Показали факс с фотографией: «Ты можешь что-то пояснить?» Я потом думал: факс — значит, это не у них в кабинетах родилось, пришло либо «сверху», либо «сбоку» — от ФСБ. А они меня спрашивают: «Кто такой Навальный? Что происходит?» Я объясняю. Они: «Ну понятно. Наверное, будут последствия».

Когда выходные закончились, ко мне на работу приехал сотрудник управления собственной безопасности. Спрашивал, вхожу ли я в какие-то партии, занимаюсь ли пропагандой на рабочем месте, зачем выложили фотографию. Я ему честно ответил.

На какое-то время меня отстранили от дежурств. Потом свозили в Пермь на ковер к генералу. Я там тоже все честно объяснил. И в итоге 25 июля 2013 года меня уволили — за 35 дней до выхода на пенсию по выслуге лет.

Знаю, что потом на моем примере другим полицейским объясняли, «как не надо себя вести». Вот, мол, мужику оставалось всего полтора месяца до пенсии, а его уволили. При этом по-человечески практически все коллеги меня поддержали. Говорили: «За фотоснимок? Да ну, бред какой». Людей, которые бы сказали: «Ты поддерживаешь врага государства», — не было вообще.

Я считаю, что поступил тогда правильно.

По эту сторону

К тому, чем занимаюсь сегодня, я начал идти еще во время службы. В 2005-м в Березниках разворачивалась грязная история: «Уралкалий» захотел подмять под себя город и завез для этого перед выборами в местную думу команду политтехнологов: людей умных, профессиональных, но абсолютно циничных.

Те развернули здесь черный пиар. Создали псевдообщественное объединение, «купили» крупнейшую городскую газету и начали мочить конкурентов. Тех, кто имел шансы победить кандидатов от «Уралкалия», дискредитировали самыми мусорными способами. Например, звонили в двери людям и с криками: «Смотри, сука, за кого голосовать», — кидали им пачку листовок с агитацией за конкурентов. Или засыпали весь подъезд этими листовками. Умные люди, конечно, должны были понимать, что сам человек не будет за себя так агитировать, но ведь не все могут это сообразить.

Березники. Фото: Мария Вигриянова

И в городе нашлась небольшая группа активистов, которые сказали: «А что вообще происходит?» И начали этому противодействовать. У нас был «Березниковский форум», на котором в начале и копилось недовольство. А потом мы решили, что надо не только сидеть в интернете, но и встретиться и начать что-то делать.

Встретились — нас оказалось человек 15. Попытались выдвинуть своего кандидата, напечатали листовки,

агитировали, но безуспешно. Выборы были проиграны. Однако важнее оказалось другое: журналист Роман Коротаев, входивший в нашу группу, создал общественную организацию. Она называлась «Гражданский надзор» и занималась защитой прав березниковцев. В основном это были жилищные и экологические вопросы — город довольно промышленный и оттого загрязненный. Меня позвали туда помогать, но на тот момент служба в милиции казалась мне важнее.

А вот когда меня уволили, я перешел к ним. И эта деятельность стала приближать меня к правозащите. Сейчас быть правозащитником для меня даже важнее, чем юристом.

В конце десятых команда Навального создавала организации, которые впоследствии были признаны экстремистскими. Роман Коротаев был координатором такой организации в Березниках, а я помогал в юридических вопросах. В 2015-м и 2020-м годах, пока еще все было легально, я выдвигался в городскую думу. Оба раза занимал второе место, потому что ресурса против «Единой России» у нас не хватало. Мы проводили забастовку избирателей, организовывали наблюдения на избирательных участках — полсотни наблюдателей собрали, очень много для Березников.

В 2021-м у меня было два административных ареста. Оба связаны с Навальным — в частности, меня посчитали организатором пермской акции в его поддержку: после его возвращения в Россию такие прошли по всей стране. По моим оценкам, у нас порядка семи-восьми тысяч человек вышло. Даже полиция, которая любит занижать, сказала, что было две тысячи — это для них очень много.

Березники. Фото: Мария Вигриянова

Вообще общение с сотрудниками полиции, бывшими коллегами, которые теперь на другой стороне, — довольно интересный опыт. Когда у Навального была избирательная кампания со знаменитыми кубами, в Перми почти сразу стали всё запрещать. А в Березниках — нет: то ли не сразу поняли, что к чему, то ли просто особо не интересовались. В тот период меня позвал на встречу начальник отдела полиции — а это был человек, с которым мы раньше сидели в одном кабинете. И он мне говорит: «Артем, ну ты мне гарантируешь, что у вас там не будет ничего выходящего за рамки? Мэрию штурмом брать не пойдете?» Я говорю: «Ну ты как вообще себе это представляешь?» Он: «Да меня нагружают, я должен тебя об этом спросить». Пообещал, что они тоже не будут жестить.

Но, конечно, спустя время с нами перестали общаться и начали просто отказывать в проведении мероприятий. Самый смешной отказ был на основании того, что якобы на нашу акцию должен приехать сам Навальный, а это, мол, должно заявляться каким-то отдельным образом. Большого бреда в жизни не слышал. Знаете, многие активисты в какой-то момент переступают

через серьезную психологическую грань, когда идут на несогласованные мероприятия. Это называется «Идти винтиться». Для меня тот отказ стал такой гранью, я сказал: «Мы чего, будем уважать вот эту бумажку?» И мы вышли. Силовики приехали — давай нам объяснять, что у нас несогласованная акция. Мы им свое: отказ незаконный. Ну, конечно, они сорвали мероприятие в итоге.

А потом стали носить нам предостережения. Перед каждой акцией вручали. Я им говорю: «У вас предыдущее протухло, что ли? Я неделю назад подписывал». Они: «Ну Артем, мы понимаем, что это идиотизм, но начальство требует. Ну ты ж сам бывший сотрудник».

Начало боевых действий для меня было неожиданным. Я был уверен, что всё, предшествовавшее этому: нагнетание напряженности, игра мускулами — лишь способ политического торга.

Я не верил, что такое возможно. Не знаю, как сформулировать, что чувствовал.

Но быстро пришел в себя: когда в марте ввели военную цензуру, для меня стало очевидно, что будут серьезные репрессии. И это стимулировало уйти в работу. Я анализировал статьи, консультировался с другими правозащитниками, как их будут применять, продумывал тактики защиты активистов. Потом со мной связался координатор «ОВД-инфо»**: они хотели, чтоб я консультировал жителей Пермского края, которые обращаются к ним.

Был просто шквал вопросов о том, что можно и нельзя делать,

какие риски. Консультировал людей, защищал в судах, причем бесплатно: правозащита — не та деятельность, на которой я зарабатываю, для этого есть обычные гражданские дела.

Уверен, что работаю не зря. Иногда получается добиться значительного снижения наказаний, порой дают даже ниже низшего. Одного парня получилось отбить полностью: его задержали на митинге за мир, но полицейские такого понаписали в рапорте, что суд был вынужден признать, что он просто шел мимо. Там было написано, что он и в балаклаве был, и с тремя плакатами — в общем, будто бы все, что они увидели на акции, делал именно он. Я попросил суд вызвать сотрудников полиции, стал задавать вопросы. Один в итоге говорит: «Да, может, и не было у него никакого плаката».

Вот как эти люди вообще работают?

Артем Файзулин. Фото: Мария Вигриянова

А в июне 2022-го я вдруг сам оказался сапожником без сапог: перепостил сообщение Леонида Волкова** и получил штраф за дискредитацию армии — 40 тысяч рублей. Причем когда делал

репост, ничего не ёкнуло: настолько мне казалось важным то, что было написано.

Когда началась частичная мобилизация, пришлось изучать еще и военное право. Оно скучное, формализованное, но, увы, по сей день важное. «Сдуру подписал контракт, можно ли спрыгнуть?», «Вернулся по ранению, как уволиться со службы?» — с такими вопросами часто приходят.

Была интересная ситуация. Есть пункты отбора на военную службу по контракту. И вот мне звонит женщина: поссорились с сыном, он пошел и «что-то там подписал». А я думаю: «Интересно, а что подписал-то?» Спрашиваю: «Тебе на руки дали что-то?» Он: «Нет. Просто сказали прийти в военкомат». В общем, мне удалось выяснить, что они там подписывают. И это важное знание.

Если вдруг ваш родственник или, не дай бог, вы сами зашли в этот пункт отбора и что-то там подписали, то имейте в виду, что вы подписали не контракт. Ситуацию еще можно спасти, если вы передумали. В пункте отбора подписывают странную бумажку — «согласие на заключение контракта». Она человека вроде как обязывает прийти в военкомат и контракт подписать, но на деле это не так. Вы можете прийти в военкомат в назначенную дату и сказать: «Здравствуйте, я такой-то, сдуру в пункте отбора подмахнул бумажку, но контракт заключать не буду». И ничего с вами сделать нельзя.

Мы с этим парнем пришли в военкомат. Я говорю сотрудникам: «Он контракт не подписывал и никуда не поедет». Они: «Ну вот же он вот согласие дал». «А такого, — говорю, — юридически обязывающего документа не существует. Я понимаю, что вы хотели его привязать вот этой бумажкой, но не получится». Ну они всё поняли. «Если передумаете, приходите», — говорят.

«Это я должен быть на твоём месте»

Мою жену задержали в прошлом году 27 августа. Ирина обычно уходит на работу рано — к 8.30, когда я еще дома. И тут вдруг в 9 утра возвращается. И вместе с ней заходит целая команда: «Здравствуйте, Артем Талгатович. Вы не возражаете? Мы тут следственное действие проведем, в виде обыска».

Я был уверен, что пришли ко мне. Они ходят так аккуратненько, ничего не переворачивают. Мой телефон забрали, Ирин забрали. Ноутбук взяли. И такие: «Нам нужны все банковские карты». Сопоставляю: «Банковские карты... Так, они сразу что-то про ФБК* говорили, про переводы...» Спрашиваю: «Какие переводы?» И вдруг сам начинаю понимать, что они, похоже, не за мной, а за ней.

В 2017 году Алексей Навальный пытался выдвигаться в президенты. И нуждался в финансовой поддержке. Мы тогда оформили регулярное пожертвование, но у меня были какие-то проблемы со счетами, и просто без задней мысли мы подключили автоплатеж на карту Ирины. А она вообще человек неравнодушный: и на животных жертвует, и на детей, в приют собачий ездит. И она привыкла, что периодически что-то с карты списывается. Короче, мы про эти деньги благополучно забыли.

И когда ФБК признали экстремистами в 2021 году, я других людей консультировал и объяснял, что теперь им жертвовать запрещено, а про свою семью не вспомнил. И вот как все обернулось.

Обыск закончился, Ирину повезли на допрос. Когда она садилась в машину, сказала: «Артем, меня теперь посадят». Я не знал, что ответить. Говорю: «Это я должен быть на твоём месте».

Она сильный человек. Я это видел. Она не была в истерике, не плакала. Наверное, сильно переживала, но не показывала. Потом уже сказала мне, что тоже думала, что это по мою душу.

Нас разлучили не только тем, что ее поместили в СИЗО, а еще и тем, что мне дали статус свидетеля. То есть я не мог ее видеть и общаться с ней, пока шло следствие и суд. Полтора месяца она была в камере, затем еще три месяца на домашнем аресте. Все это время я не мог с ней видиться и разговаривать. Мы с сыном продолжали жить в Березниках, а она была под домашним арестом в Перми. И вот я привозил сына к ней, а сам уходил сидеть на парковке. Как я себя чувствовал? Не знаю, как себя чувствует человек, у которого кусок сердца отрезан?

Ирина Файзулина. Фото: Мария Вигриянова

Ответ на вопрос, чем спастись, мне дал сын, которому тогда было всего 14 лет. Вернувшись из школы, он спросил: «Что произошло?» Я объяснил. «Что мы можем сделать, чтобы маму вытащить?» Я говорю: «Знаешь, мы наняли хорошего адвоката, но волшебной палочки у нас нет». Он: «Тогда нам надо просто продолжать жить. Как-то выстраивать жизнь».

И меня это так отрезвило: да, нужно продолжать заниматься своим делом. На работе же не бросишь подзащитных, у людей тоже проблемы. Еще и бытовые дела добавились: счета оплачивать, готовить — всё хозяйство на меня свалилось. На мне сын. На мне дочь, которая очень тяжело чувствует себя в Перми: ей нужна психологическая поддержка из-за произошедшего с мамой. А еще ей надо объяснять, как делать передачи, как добиваться свиданий...

Все это, конечно, не снимало чувства вины. Но было важно этим заниматься.

Когда пришла моя очередь выступать в суде, я говорил о смягчающих обстоятельствах: Ирина ранее не судима, хорошо характеризуется по месту жительства, по месту работы. Примерно по этому пути шла адвокат, и, я думаю, это была правильная тактика, потому что судья в итоге назначила минималку — штраф в 300 тысяч. Конечно, это мягкий приговор в нынешних реалиях: когда у тебя диапазон наказания от штрафа в 300 тысяч до 8 лет лишения свободы, как это еще можно расценить?

То, что реалии ненормальные, это другой разговор.

«Страна неизбежно будет меняться»

Я никуда не хочу уезжать. Если за мою деятельность нужно платить тем, что ко мне будут приходить силовики, я готов. Они ведь уже не раз приходили. Главное, чтоб больше не кошмарили семью.

Находясь за границей, можно давать консультации онлайн, но будем честны: та атмосфера, которая царит вокруг, влияет на те советы, которые ты даешь подзащитным. Потеряв связь с этой почвой, я не смогу быть уверен, что даю правильные рекомендации.

А страна неизбежно будет меняться. Я очень люблю историю: если читать мемуары очевидцев великих исторических событий, то заметишь, что за несколько недель до Февральской революции в России или Французской буржуазной революции никто и не думал, что такое произойдет.

Карл I в грош не ставил парламент, а потом тот сыграл ключевую роль в том, что ему отрубили голову. Ленин писал: «Мы, старики, не доживем до будущих битв этой революции». А на дворе стоял январь 1917 года.

Мы можем прямо сейчас находиться в точке, когда уже через неделю не узнаем страну. Потом политологи и историки с умным видом разъяснят, почему именно в этот момент все произошло. Находясь внутри момента, мы вообще ничего не почувствуем, но наступит он обязательно.

* Внесен в реестр «иноагентов», экстремистских и террористических организаций и запрещен в РФ.

** Признан Минюстом «иностранным агентом».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[По делу о донатах ФБК* в СИЗО отправили жену известного пермского правозащитника и — спортсменку из книги рекордов Гиннеса](#)

20:46, 28 августа 2025,

[В России за три года завели 76 уголовных дел из-за донатов ФБК*. В этом году их уже больше 30](#)

10:50, 4 августа 2025,